

УДК 008

Л. А. Максимова

Х Международная научная конференция «История сталинизма»

В статье рассказывается о международной научной конференции, посвященной сталинизму. Особое место уделяется краткому изложению актуальных мыслей докладчиков.

Ключевые слова: конференция, события, изложение.

L. A. Maksimova. X International Scientific Conference «History of Stalinism».

The article describes an international scientific conference devoted to Stalinism. A special place is given to a brief presentation of the current thoughts of the speakers.

Keywords: Conference, events, presentation.

5—7 декабря 2017 года состоялась X Международная научная конференция «История сталинизма», посвященная урокам Октября и практике советской системы в 1920—1950-е годы.

Мероприятие было организовано Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, Государственным архивом РФ, Российским государственным архивом социально-политической истории (РГАСПИ), Президентским центром Б. Н. Ельцина, издательством «Политическая энциклопедия» (РОССПЭН) и Международным историко-просветительским благотворительным и правозащитным обществом «Мемориал». Такая традиционно авторитетная поддержка научного мероприятия привела к оформлению устойчивого научного сообщества, занимающегося историей сталинизма.

А. К. Сорокин, директор РГАСПИ, заверил, что, несмотря на попытки дискредитации истории как науки в последнее время, достоверное средство познания истории существует. Современная наука может быть научным инструментом познания истины. Только наука может ограничить произвольную интерпретацию исторических фак-

тов. «Принципы работы с исторической памятью особенно важны в связи со 100-летием революции. В 1917 году российский социум сделал выбор в пользу первоначально навязанных форм государственного устройства. Цена этого выбора оказалась очень высокой. Через 20 лет произошли события, которые мы называем “Большим террором». Эта дата также связана с первым юбилеем. Монументальное произведение “Стена скорби”, открытая Президентом РФ заставила общество вспомнить и эту дату». В рамках конференции состоялось открытие историко-документальной выставки «Большой террор. 1937—1938», подготовленной РГАСПИ.

В. П. Лукин, бывший омбудсмен, Президент Параолимпийского комитета РФ, член Совета Федерации Федерального собрания РФ, в выступлении подчеркнул, что человечество определяет соотношение между гуманизмом и прогрессом. Какие базовые ценности мы должны отстаивать? Тема конференции заставляет глубоко задуматься над этим вопросом.

Карнер Стефан, профессор университета Граца из Австрии, сопредседатель российско-австрийской комиссии историков, свой пленарный доклад посвятил влиянию революции 1917 года в России на события 1918—1923 годов в Австрии. И хотя «революционного переворота по русскому образцу не произошло», начавшиеся национальные движения, требования народа «верните нам мир!» «взорвали» ситуацию. Уроки революции воплотились в судьбах австрийских коммунистов, которые, переехав в СССР, попадают в ГУЛАГ, затем их выменивают на советских шпионов и помещают в концлагерь собственные власти, и снова ГУЛАГ после того, как место их пребывания вошло в зону советского контроля в годы войны.

На конференции была поднята и проблема личности Сталина. Несмотря на то что моральный приговор очевиден, он иногда заслоняется определенными фактами. И не все тут однозначно. Дэвид Ширер, профессор истории Делаверского университета из США, исследующий отражение Гражданской войны в политике Сталина, убежден, что все витки репрессий в СССР были вызваны искренним убеждением Сталина в угрозе войны. Ученый считает, что три явления всегда сопровождали ситуации, когда Сталин, на его взгляд, сталкивался с неизбежностью войны: репрессии, мобилизация промышленности, международные переговоры. «Насилие сталинизма

На выставке «Большой террор. 1937—1936»

было цикличным, — считает Ширер, — Сталин не отделял последствия борьбы с военной угрозой во внешней политике с внутренней политикой. И его истоки исходят из Гражданской войны. Сталин начал свою карьеру на войне, и он остался на войне. Практику Сталина надо воспринимать как практику человека на войне. Его и похоронили в маршальском мундире как военного человека». Ученый уверен, у Сталина был не просто страх войны, Сталин использовал информацию разведки, которая поддерживала его убеждения. Не все из его окружения верили в угрозу войны, но Сталин считал, что ему известно больше, чем остальным. И, с его точки зрения, он каждый раз поступал рационально.

Свою оценку Сталина дал В. П. Булдаков — известный автор «Красной смуты». Ключевой идеей исследования у историка стал

«инстинкт власти» Сталина, который в сочетании с другими факторами привел его к руководству страной: «Сталин обладал инстинктом власти, который сомкнулся с инстинктом масс, ожидавших хозяина». В развернувшейся дискуссии, сравнивая Сталина с другими лидерами, В. П. Булдаков отметил: Ленин и Троцкий намного грамотнее Сталина. Им нужна была мировая революция. Ленин считал, что он может все. «Сталину мировая революция была не нужна. Он не был утопистом. Ему нужна была власть. Но он всего боялся». «Троцкий и Ленин могли выступать в цирке Модерн, а Сталин нет». «Сталин — ущербный человек. У него была жестокая форма патернализма, он хотел быть отцом народов». Сталин следил за настроениями народа, читал письма крестьян, адресованные власти. «В годы НЭПа наблюдались всеобщая ненависть и недовольство. Все ненавидели рядовых коммунистов, город не любил деревню, деревня не любила город, все ненавидели бурспецов. Ждали поводыря. Он появился в лице Сталина. Личность Сталина была адекватна ожиданиям масс. Он не мог сразу реализовать свою власть, как хотел. Он выждал. Его власть началась намного раньше, чем произошло убийство Кирова».

Возвращаясь к теме конференции, историк утверждает: «Сами большевики уроков Октября не усвоили. Исключение составляет Троцкий и, может быть, Ленин с его теорией многоукладности». После многочисленных научных дискуссий утвердился вывод о том, что революция была крестьянской. В. П. Булдаков считает, что это очень важно. «Можно говорить о том, что мы имели крестьянскую революцию, она “накрыла” все. И марксизм-ленинизм, с которым мы жили, остался пустой фикцией».

Вопросам действия механизмов власти и эволюции ее аппарата в 1917—1930-х годах посвятили свои сообщения М. А. Безнин и Т. М. Димони из Вологды, К. А. Болдовский из Санкт-Петербурга, М. В. Зеленев и И. А. Концевой из Москвы. Профессор М. А. Фельдман из Екатеринбурга акцентировал внимание на том, что политика НЭПа являлась одной из самых оптимальных моделей экономики. Это почувствовала региональная элита. «Но советскую историю можно понять, если ее рассматривать в рамках двух проектов — рационального и мифологического», — утверждает исследователь. «Несоциалистическое» содержание из НЭПа исключили. Когда при-

шла пора определяться, многим пришлось выбирать. Рыков сказал Сталину: «Вы хотите НЭП без кооператоров — такого НЭПа не бывает». «...А китайцы пошли по пути нашего НЭПа и доказали его правоту». И это тоже уроки советской системы.

В ходе конференции работало 8 тематических секций, на которых были обсуждены проблемы исторической памяти, трансформации идеологии и массовых представлений, вопросы конфессиональной политики революционного государства, практики решения национального вопроса, развитие революционной культуры, вопросы террора от «красного» до «сталинского». В секции «Послереволюционное социально-экономическое развитие и новая повседневность» профессор О. С. Поршнева из Екатеринбурга акцентировала внимание на том, что военная угроза искусственно не культивировалась. «Сталин боялся провокации — страна была не готова к войне». Но военная угроза превратила повседневную жизнь в перманентную мобилизацию. Можно ли этим оправдать методы принуждения?

Несколько докладов было посвящено процессам урбанизации и строительства в 1930-е годы. Профессор М. Г. Меерович из Иркутска дал анализ советской доктрине урбанизации, отметив, что она вполне укладывается в марксистскую теорию. Л. А. Максимова из Сыктывкара указала, что в регионах процессы градообразования далеко не всегда соответствовали официальным установкам власти.

Итоги мероприятия были подведены на заключительном заседании. Разброс рассмотренной тематики был велик — от 1917 года до наших дней. На мероприятии присутствовали исследователи из 14 стран, заслушано 99 докладов, 170 историков приняли участие в обсуждении. Состоялись презентации баз данных «Жертвы политического террора в СССР» и «История сталинизма». Были обсуждены новые возможные форматы работы над темой, роль региональных центров изучения проблем сталинизма.

Профессор С. А. Красильников из Новосибирска отметил, что основные споры участников касались терминологии: люди произносят одни и те же слова и вкладывают в них разные смыслы. «Мы должны более точно использовать терминологию», — заключил профессор. Причем было замечено, что старая терминология иногда не подходит при описании новых сюжетов. Ученый поставил задачу: «Нам

предстоит гигантская работа по переводу сталинского новояза на научный язык».

Выступавшими было отмечено, что основные доклады, представленные на конференции, были в духе позитивизма, как первые описания поднятых проблем. «Есть институциональные вещи — они виднее, гораздо сложнее и интереснее анализировать атрибутивные вещи», — заметил С. А. Красильников. А. К. Сорокин разделяет это мнение: «Больше всего мы получаем исследования на основе case-study, актуальными остаются обобщающие теоретические труды и концептуальные обобщения». Поскольку историками-архивистами решен большой комплекс задач по обнаружению документов изучаемой эпохи, А. К. Сорокин поставил перед научным сообществом задачу создания обобщающего труда по истории сталинизма.